

10 июля 2020 г.

КОММЕНТАРИИ

Цели устойчивого развития: отчет по России

Первый отчет о реализации Россией Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН показывает, что прогресс страны в экономической, социальной и экологической сферах пока является крайне медленным и нестабильным

В конце июня Россия опубликовала первый Добровольный национальный обзор достижения Россией 17 целей устойчивого развития (ЦУР) ООН в сфере экономики, социального развития и экологии, подготовленный Аналитическим центром при Правительстве РФ во взаимодействии с Минэкономразвития, МИД, Росстатом и другими ведомствами, организациями и компаниями. В докладе отмечается, что «по каждой ЦУР Россия в последние годы показывала позитивные результаты». Действительно, в рамках каждой цели есть отдельные достижения. Однако по сравнению со многими другими странами эти результаты оказываются уже не такими значительными, а на фоне российских показателей прошлых лет прогресс в области ЦУР выглядит медленным и неустойчивым. В отчете также приводятся позитивные кейсы из опыта отдельных компаний по реализации ЦУР, однако список активных в данной области компаний достаточно ограничен.

По многим показателям социального развития, на которых в основном сфокусированы ЦУР ООН, Россия имеет очень низкие показатели – значительно ниже большинства развитых и многих крупных развивающихся стран

ЦУР ООН во многом направлены на социальное развитие страны и на инвестиции в человека. Примечательно, что данные цели во многом пересекаются с задачами текущих нацпроектов. Как указано в докладе, национальные проекты сейчас прямо или косвенно охватывают 107 из 169 задач целей устойчивого развития ООН. В докладе также декларируется, что Россия – «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Однако в реальности по большому числу показателей социального развития Россия сегодня значительно отстает от многих крупных экономик, и текущая ситуация указывает на то, что значительного улучшения пока не наблюдается.

Так, в докладе отмечается, что в России практически нет никого, кто живет за границей крайней **бедности**, установленной Всемирным банком в размере 1,9 долл. в день (около 4 тыс. руб. в месяц). Однако средний уровень доходов в стране в последние годы существенно падал, а доля тех, кто живет за чертой пусть не крайней, но бедности – росла.

Так, в 2019 г. реальные денежные доходы населения сократились в среднем на 6,3% по сравнению с 2013 г. При этом в 24 регионах падение составило от 10% и более (см. рис. 1). В результате доля населения, живущего за чертой бедности (т.е. с доходами ниже прожиточного минимума, который в 2019 г. в среднем составлял 10,6-11,2 тыс. руб.), выросла до 12,3%. Для сравнения, рекордно низкие уровни бедности (10,7-10,8%) были достигнуты в 2012-2013 гг.

При этом в 2019 г. в 11 субъектах РФ за чертой бедности проживало более 20% населения (см. рис. 2). Растущая бедность, особенно в отдельных регионах страны, связана с целым комплексом проблем: от проводимой экономической политики и низких показателей экономического роста до

недостаточности инструментов социальной поддержки. В частности, в отчете говорится, что «81% малоимущих домохозяйств – это домохозяйства, имеющие детей в возрасте до 18 лет». И «поскольку самую большую группу бедных в России составляют семьи с детьми, основной акцент в работе по снижению уровня бедности делается на выводе из бедности семей с детьми».

Рис. 1. Регионы с наибольшим падением реальных денежных доходов в 2019 г. по сравнению с 2013 г., в %

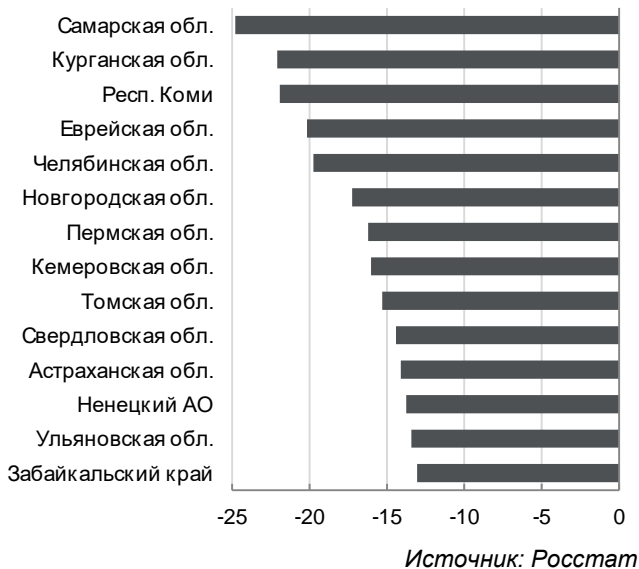
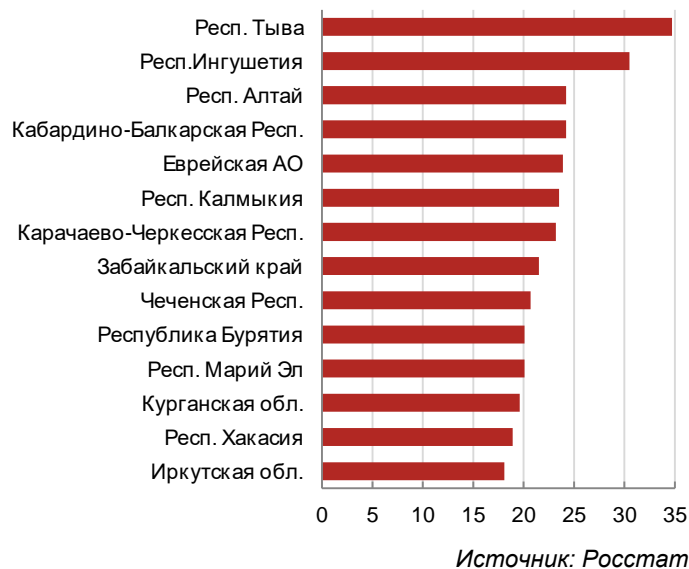

Рис. 2. Регионы с наиболее высокой долей населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в 2019 г., в %

Перечисленные же меры поддержки семей с детьми включают в себя преимущественно различные пособия на детей. Но размер таких пособий невелик. Например, в докладе упоминается пособие в размере регионального детского **прожиточного** минимума при рождении первого и второго ребенка в случае, если размер среднедушевого дохода семьи не превышает 2-кратную величину прожиточного минимума. Это позволяет дать прожиточный минимум ребенку, но не доводит до прожиточного минимума доход родителей, если он у них ниже.

Однако проблемой является то, что система поддержки, которая в основном ориентирована на выплату пособий (при этом достаточно низких), не создает условий для самостоятельного и долгосрочного выхода из бедности за счет получения достойно оплачиваемой работы. Для решения этой проблемы в России была запущена новая форма социальной помощи населению в виде «социального контракта» – соглашения, подразумевающего прохождение программы социальной адаптации с обучением, поиском работы, началом ведения предпринимательской деятельности или личного подсобного хозяйства. Однако в 2018 г. господдержка на основе соцконтракта получили лишь 308,8 тыс. чел., или 1,7% от общего числа бедных в стране.

На фоне текущего кризиса риски роста бедности только увеличиваются. В российском отчете о ЦУР ООН указано, что «проводимая в стране эффективная политика в сфере борьбы с бедностью предусматривает снижение к 2024 г. национального уровня бедности как минимум в 2 раза», в том числе за счет реализации нацпроектов. Однако правительство уже опасается, что из-за пандемии ухудшатся даже текущие показатели. Так, 8 июля М. Мишустин заявил, что сейчас «под угрозой оказались наработанные за предыдущие десятилетия достижения в области сокращения бедности».

Относительно связанной с бедностью темы **продовольственной безопасности** в докладе отмечается, что «в 2018 году остро отсутствие продовольственной безопасности¹ ощущали лишь 0,3% населения России, а умеренно или остро — 6,2%». При этом в докладе указывается также, что в глобальном рейтинге продовольственной безопасности (Global Food Security Index) Россия несколько улучшила свои позиции в 2015–2019 гг., поднявшись с 43 на 42 место из 113.

Вместе с тем, 6,5% населения страны, ощущающих как минимум умеренное отсутствие продовольственной безопасности – это около 9,5 млн. чел. А 42 место из 113 стран является крайне низким (хотя в докладе это называется «высокой позицией»), учитывая, что Россию опережают многие развивающиеся страны, в частности Румыния (38 место), Белоруссия (36 место), Китай (35 место), Чили (25 место). При этом особенно слабыми сторонами России в рейтинге являются показатели госрасходов на исследования и разработки в сфере сельского хозяйства и уровень развития с/х инфраструктуры.

Среди прочих социальных показателей, по которым в докладе отмечен прогресс, фигурирует **ожидаемая продолжительность жизни при рождении**. В России этот показатель повысился с 68,9 лет в 2010 г. до 73,3 лет в 2019 г. Однако он все равно не достигает уровня не только развитых, но и даже многих развивающихся стран, таких как Мексика (75,0 лет), Бразилия (75,7 лет), Китай (76,8 лет), Колумбия (77,1 лет). В докладе также отмечается, что нацпроект «Здравоохранение» нацелен «на достижение повышения ожидаемой продолжительности жизни населения до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г.». Однако во многих и развитых, и развивающихся странах (например, в Германии, Франции, Японии, Чили, Словении, Ю. Корее и др.) средняя ожидаемая продолжительность жизни населения уже сейчас выше 80 лет, в то время как у нас это планируется лишь через 10 лет.

Относительно **доступности жилья** в отчете отмечается, что в стране растет площадь жилья на 1 жителя и средний размер квартир. Однако обеспеченность жильем до сих пор существенно ниже показателей многих зарубежных стран. Так, по числу комнат на душу населения Россия имеет худшие показатели, чем все страны ОЭСР – в среднем 0,9 комнаты на 1 человека, тогда как в среднем по ОЭСР – 1,8. В отчете также упоминается, что «помещения в квартирах жилых домов проходят ежегодный капитальный ремонт», однако площадь аварийного жилищного фонда в последние годы стабильно растет – до 25,5 млн. кв. м в 2018 г. по сравнению с 19,6 млн. кв. м в 2015 г. (рост на 30,1%).

В отчете также упоминаются отдельные достижения в **сфере здравоохранения и образования**. В частности, это введение дополнительных выплат медицинским работникам в связи с работой с лицами, заболевшими COVID-19, и рост заработной платы для педагогических работников всех уровней. Однако по сравнению с зарубежными странами уровень государственных инвестиций в эти критически важные для развития человеческого потенциала сферы остается крайне низким. Так, объем государственных расходов на здравоохранение в 2017 г. в России составлял около 3,1% ВВП, что является одним из самых низких показателей среди стран ОЭСР. Для сравнения, в ЮАР он составляет 3,5%, в Бразилии – 4,0%, в Германии – 9,9%, в США – 14,4%. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере образования. Так, согласно недавнему отчету Счетной палаты, объем государственных расходов на высшее образование в 2018-2019 гг. составлял около 0,47% ВВП. Для сравнения, по данным ОЭСР, в США он составляет 0,91%, в Германии – 1,01%, в Канаде – 1,20% ВВП.

При этом, несмотря на рост оплаты труда в сфере здравоохранения и образования, в абсолютных величинах она остается сравнительно низкой. Так, в I квартале 2020 г. уровень зарплат младшего медицинского персонала был на 9,6% ниже, чем средний уровень оплаты труда по стране, а среднего медицинского персонала – лишь на 1,4% выше. Зарплаты педагогических работников дошкольных учреждений в России в тот же период были на 9,6% ниже среднероссийского уровня, педагогов учреждений дополнительного образования – на 5,5% ниже.

¹ Продовольственная безопасность — состояние, при котором все люди той или иной страны в каждый момент времени имеют физический, социальный и экономический доступ к достаточной в количественном отношении и питательной пище, отвечающей их потребностям и необходимой для ведения активной и здоровой жизни.

И хотя в отчете по ЦУР ООН упоминается, что наша страна в целом «входит в число стран с очень высоким **уровнем развития человеческого капитала**», в рейтинге по данному индексу Россия сейчас занимает лишь 49 место из 189 – после таких стран как Оман (47 место), Бруней (43 место), Чили (42 место), Ю. Корея (22 место).

Значительное число социальных проблем и отставание России по многим показателям от зарубежных стран связано с низким уровнем экономического развития страны в целом

Примечательно, что в отчете достижения в сфере **экономического роста** описываются с помощью двух ключевых показателей – не только общепринятого показателя роста ВВП в постоянных ценах, но и показателя роста ВВП в текущих ценах. В частности, в отчете говорится, что «темпы прироста ВВП в текущих ценах» в 2016-2019 гг. «не опускался ниже 3%». Однако реальный рост ВВП (в постоянных ценах) за эти годы ни разу не поднялся выше 3% и составил максимум 2,5% в 2018 г.

В докладе также упоминается поставленная Россией национальная цель по вхождению страны в число пяти крупнейших экономик мира. Однако реальные перспективы достижения этой цели при текущей политике под вопросом. В целом, ВВП России к 2019 г. вырос лишь на 4,7% по сравнению с 2013 г., в то время как ВВП Германии, которую нужно обогнать для выхода на пятое место – на 11,2%. При этом ВВП Индонезии, которая идет следом за Россией по размеру экономики, вырос за тот же период на 34,2%. В результате очень вероятно, что Россия не только не поднимется на пятое место, а скорее опустится ниже шестого (см. рис. 3).

В отчете также отмечаются успехи России в **диверсификации экономики**: «в период после 2015 г. развитие получили не нефтегазовые сектора». Однако прогресс в области диверсификации заметен только по сравнению с показателями 2015-2016 гг. По сравнению же с 2008 г. роль обрабатывающего сектора в экономике снизилась: если в 2008 г. доля обрабатывающей промышленности в структуре валовой добавленной стоимости составляла 17,5%, то в 2019 г. – уже лишь 14,6% (см. рис. 4).

Рис. 3. Рост ВВП отдельных стран в 2019 г. по сравнению с 2013 г., в %

Источник: Росстат, МВФ

Рис. 4. Доля обрабатывающей промышленности в структуре валовой добавленной стоимости в России в 2008-2019 гг., в %

Источник: Росстат

В части улучшения показателей развития отдельных перспективных для экономики отраслей также не удалось достичь значимого прогресса. Например, в отчете упоминается, что «создание 1 рабочего места в сфере **туризма** влечет создание до 5 рабочих мест в смежных отраслях» и подчеркивается значимость этой отрасли для страны. Однако число въездных туристских поездок иностранных граждан в России, по данным доклада, к 2019 г. сократилось на 9,1% по сравнению с 2015 г.

В отчете также заявляется, что «из-за огромной площади территории и неравномерного распределения населения большое внимание в России уделяется развитию **инфраструктуры**, транспортной системы». При этом в 2013-2019 гг. в России строилось в среднем около 2,5 тыс. км дорог с твердым покрытием ежегодно. Это значительно меньше, чем в прошлые года. Например, в 2008 г. было построено 3,7 тыс. км дорог, в 2001 г. – 4,7 тыс. км, в 2000 г. – 7,9 тыс. км. И в будущем скорости строительства и ремонта дорог кардинально увеличивать не планируется. Так, долю региональных автомобильных дорог, соответствующих нормативным требованиям, к 2024 г. планируется увеличить лишь до 50,9% по сравнению с 43,1% на начало 2018 г.

В докладе также содержатся данные, что удельный вес **инновационных** товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров в последние годы в России снижается – с 9,2% в 2013 г. до 6,5% в 2018 г. При этом отмечается и снижение расходов на НИОКР – с 1,1% в 2015 г. до 1,0% в 2018 г., а также то, что Россия занимает лишь 46-е место из 129 стран в Глобальном рейтинге инноваций (Global Innovation Index).

В отчете также упоминается, что позитивную динамику показывает индекс изменения **производительности труда** – за 2016–2018 гг. он вырос с 0,1% до 2,8%. Однако такие темпы роста производительности труда для нашей страны крайне низки, учитывая, что в странах ОЭСР уровень производительности в среднем превышает российский в 2,5 раза. Да и ранее темпы роста производительности труда бывали и более высокими – например 3,8% в 2012 г.

В отчете отмечается также «значительный прогресс по отдельным индикаторам **финансовой доступности**». В частности, говорится, что «количество действующих кредитных организаций, оказывающих услугу по открытию банковских счетов без явки клиента в банк, выросло за 2016–2018 гг. с 60 до 105». Однако в докладе совсем не упоминается тот факт, что в целом число кредитных организаций в стране на текущий момент на 41,6% ниже, чем в начале 2016 г. При этом количество регионов РФ, не имеющих собственных, т.е. зарегистрированных на своей территории, кредитных организаций, на 1 июня 2020 г. достигло уже 19 – тогда как в 2008 г. их было лишь 4.

В целом, в отчете делается крайне смелый вывод о том, что «Россия добилась значимого прогресса в направлениях экономического роста», однако реальные данные пока, к сожалению, этого не подтверждают.

Прогресс в вопросах экологического развития в России также происходит крайне медленно

В частности, в отчете России по ЦУР ООН говорится, что за 10 с лишним лет – с 2007 по 2018 гг. – **энергоёмкость** ВВП снизилась на 12%. Однако даже сейчас потенциал энергосбережения в России, согласно принятой месяц назад Энергетической стратегии до 2035 г., достигает 1/3 текущего объема потребления. Учитывая данный факт, очевидно, что прогресс мог бы быть более значительным.

При этом, несмотря на значительные запасы пресной воды в России, численность населения, не обеспеченного **питьевой водой**, согласно докладу, в 2018 г. составляла около 1,5 млн. чел. (1,2% от общей численности населения). А в 139 городах с общей численностью населения более 52 млн. чел. средняя за год концентрация одного или нескольких **загрязняющих веществ в воздухе** заметно превышает предельно допустимую концентрацию.

В результате число смертей, связанных с загрязнением окружающей среды, по-прежнему остается высоким. По данным доклада, в 2018 г. в России с загрязнением атмосферного воздуха, питьевых вод, почв городских и сельских поселений было вероятно связано на 20,0% меньше смертей, чем в 2013 г. Однако, по данным ВОЗ, в России показатель смертности от загрязнения воздуха окружающей среды на 100 тыс. человек превышает показатель США в 4,0 раза, Великобритании – в 2,8 раза, Японии – в 2,2 раза, Германии – в 2,0 раза. По данным доклада, в России с загрязнением окружающей среды в 2018 г. связано «около 3,0 млн. заболеваний детского и взрослого населения».

В докладе также отмечается, что Россия «принимает меры по сокращению к 2020 г. объема **выбросов парниковых газов** до уровня не более 75% от значений 1990 г.». Однако на самом деле России и не надо предпринимать для этого особых усилий: уже в 2017 г. уровень выбросов парниковых газов составил 51% от уровня 1990 г. с учетом выбросов и поглощения парниковых газов в лесном хозяйстве и при землепользовании, и 68% – без их учета.

В отчете также упоминается **газификация** регионов России – «масштабный социально значимый проект, направленный на качественное повышение уровня жизни россиян». Однако согласно принятой Правительством РФ 9 июня 2020 г. «Энергетической стратегии РФ до 2035 г.», текущий уровень газификации субъектов РФ в 68,6% планируется увеличить лишь до 74,7% в 2024 г. и до 82,9% к 2035 г.

В отчете также отмечается «большой вклад» **гидроэнергетики** в снижение выбросов парниковых газов, а также то, что выработка электроэнергии на ГЭС в России в 2019 г. составила 17,6% от суммарной выработки электроэнергии в стране, «что является одним из самых высоких показателей среди крупнейших стран мира». Однако это не совсем так, учитывая, что средний показатель по миру за тот же год составил 15,6%. А наиболее высокие показатели наблюдались, по данным ВР, в частности во Вьетнаме – 28,8%, в Турции – 28,9%, в Канаде – 57,8%, Бразилии – 63,8%.

Суммарная доля **возобновляемых источников энергии** в России, включая ГЭС, в структуре производства электроэнергии в 2019 г. достигла 17,8%, «что на 1,5 п. п. больше, чем в 2014 г.», как говорится в отчете. Однако в среднем в мире этот показатель уже составляет около 26,0%, в Китае – 26,7%, в Германии – 39,9%. В отчете отмечается, что «альтернативные ВИЭ пока не получили широкого распространения в России, так как без дополнительной поддержки они, как правило, еще недостаточно конкурентоспособны по сравнению с традиционными энергоресурсами». Однако общемировая практика показывает, что значительный рост объемов производимой энергии на возобновляемых источниках действительно возможен только при значительной государственной поддержке. И те страны, где соответствующий показатель высок, такую поддержку оказывали.

В целом, финансовая поддержка экологической деятельности в России крайне незначительна. В отчете в частности сообщается, что «деятельность НКО в области экологического просвещения, пропаганды экологически ответственного образа жизни, раздельного сбора мусора, «зеленого» развития городской среды и т. д. поддерживается в рамках программы грантов Президента РФ». Однако в 2019 г. на эти цели было выделено лишь около 80 млн. руб.

Полноту выполнения ЦУР в России по-прежнему невозможно окончательно оценить из-за недостаточной разработанности статистической базы

В отчете России по ЦУР ООН указано, что Росстатом «были представлены статистические данные» и «подготовлено статистическое приложение» к докладу, «включающее отдельные показатели достижения ЦУР в России». При этом отмечается, что «полный набор данных, характеризующих достижение ЦУР в стране, представлен на веб-портале Федеральной службы государственной статистики в подразделе «Цели устойчивого развития». Вместе с тем, в реальности на сайте Росстата указано, что из 247 показателей ЦУР в России разработаны и публикуются данные по 78 показателям (31%), еще 9 показателей (3%) находятся в процессе разработки, а 160 показателей (64%) еще даже не разрабатываются.

Контакты

www.icss.ru

Россия, 119180, Москва,
ул. Большая Полянка, д.23/1

Тел.: +7 495 995-11-35

Факс: +7 495 995-11-36

E-mail: mail@icss.ac.ru

© Институт комплексных стратегических исследований. Все права защищены.
